

Сов. Россия - 1989 - 5 март - с. 4

„Девять муз”. дискуссии, обзоры

Встреча по вашей просьбе

Евгений МАТВЕЕВ, народный артист СССР

В редакционной почте немало писем, в которых, так или иначе касаясь современного кинопроцесса или откликаясь на недавно опубликованные в нашей газете беседы с актерами и режиссерами В. Абдрашитовым, М. Глузским, Л. Зайцевой, Л. Федосеевой-Шункиной, Л. Дуровым, Н. Гундаревой, Н. Михалковым, К. Шахназаровым и другими, читатели задают вопросы и о мастерах кино старших поколений.

«Пусть ваш корреспондент поговорит с Евгением Матвеевым», — просит москвичка Т. НЕФЕДОВА. — Наверно, выскажу банальность, но, как у каждого крупного писателя есть свои читатели, так и у известных режиссеров есть свои зрители. В этом смысле фильмы Евгения Матвеева имеют свою аудиторию. И не считаться с этим в наше время уже нельзя! Тут наши вкусы могут и не совпадать — даже с именитыми кинокритиками. Вот «Советский экран» (№ 4) только что опубликовал сводку кинопроката «Что смотрят зрители?» Так фильм «Покаяние» в том списке «лидеров кассового сбора» оказался лишь на восьмом месте: его посмотрели всего около 14 миллионов. Жаль, конечно! Хотя, думаю, данная цифра учитывает не все. Но дело не в этом. А в том, что почти все фильмы Е. Матвеева, насколько я помню, по опубликованным в свое время данным, смотрело значительно больше зрителей. Я говорю не только о фильмах «Судьба», «Любовь земная», но и о раннем его «Почтовом романе». А в роли Макара Нагульнова из фильма «Поднятая целина» я не знаю никого, кто бы мог быть ему равным!..»

В эти дни Евгений Матвеев был занят на съемках нового фильма «Чаша терпения», выступал перед зрителями города Конаково. Наш корреспондент Л. НИКОЛАЕВ встретился с ним, и беседа их сложилась по сути вокруг тех же вопросов, что возникали на последних встречах актера и режиссера со зрителями.

НАЧНУ с того, что поколению, к которому принадлежу и я, необходимо сочувствие. Мы честно жили, воевали, защищая социалистическую Отчизну, честно работали... И что же? Каков результат почти всей нашей жизни? Ведь для моего поколения пришла пора подводить итоги. А они во многом неутешительны. Говорят, человек без памяти, без знания исторического прошлого своего народа живет, как перекати-поле. Подует ветер сюда — он сюда и катится, изменит направление — а он опять вперед всех несется, без корней то!.. Страшное явление, обозначенное Чингизом Айтматовым словом «манкурт»... Были ли среди нас такие? Наверное, я покривил бы душой, если бы сказал «нет». Были! Но можно ли сказать, что весь народ наш оказался пораженным этой болезнью «манкуртизма»? Убежден, что нет. Недаром еще Н. Добролюбов зорко подметил (я говорю по памяти, но за точность мысли его ручаюсь): страна у нас необычная — в ней общество живет по-своему, а народ по-своему. Когда сверху затолкали «о распространении надлежащих чувств», в народе происходил, я думаю, непростой процесс. Нет, конечно, ко многому прислушивались, исполняли, но при всем том существовал и здравый скептицизм. Тут ничего нет особенного, если рассуждать трезво, — действовал закон диалектики, борьбы и единства противоположностей, который и позволял вить за витком поднимать страну все-таки по восходящей линии. Поднимать ее из нищеты, неграмотности, восстанавливать разрушенное хозяйство, бороться за нового человека... В общем, превращать страну в могучую державу, не считаясь с которой сегодня никто не может.

Почему я заговорил о сочувствии к старшему поколению?.. Не будем пока рассуждать о высоких материях. Представьте такую бытовую сценку. Недавно я наблюдал это в очереди. В магазине продавали сосиски, выстроилось человек тридцать, астал и я — последним. И вдруг ввалились в магазин двое здоровенных парней, явно поддавивших за углом. И требовалась им теперь «закуска». Вот и приблизил они прямо к продавщице, отодвигая плечом других: «Дай-ка нам...» Белоголовый старик, стоявший передо мной, попытался остановить их: «Сынки, вы бы очередь поужакали!» Но один из них, мордастый, обернулся к нему — и чуть ли не кулаком в лицо: «Ну ты, застойник!». Помолчал. Тебе теперь положено стоять... И снова — к оробевшей продавщице: «Дай-ка, говорю тебе еще раз...» Тогда старик, прихрамывая, сделал два шага вперед и, скрипя протезом, поклонился тем охломам в пояс: «Спасибо вам, сынки, за все!». И — скрип, скрип — встал обратно в наш строй. У меня, поверьте, слезы на глазах закипели: ах, сволочи! И вся очередь до этого молчаливая, возмущенно загудела... Не правда ли, убийственная сцена?..

И тут я хочу сказать о том, что сочувствие необходимо и нынешнему молодому поколению. Порой трудно им разобраться в том, что происходит вокруг. Разные речи они слушают, разных проповедников себе находят. И не их вина, а беда наша общая, что так много появилось безверия. И именно среди молодежи!

Я думаю о поколении совсем молодых кинематографистов. Где оно, на экране? Мелькнуло два-три имени. Есть и другие. Но, отрицая все и вся, что было в кино до них (какой там Эйзенштейн, Довженко, Пудовкин, братья Васильевы, уже «забыт» и М. Ромм, и Козинцев, и С. Герасимов, которого еще недавно боготворили его ученики, — все теперь в другую сторону смотрят!), они создают такие картины, что кинопродюсеры, заботясь о кассовости, нередко не желают их «прокатывать». Вот почему я с горечью и тревогой смотрю на молодых, ведь от них зависит, каким будет наш советский кинематограф завтра. Все это — проблемы непростые. Ведь казалось бы, им, молодым, ныне дано право свободно говорить правду о современности. Так отчего же они так многого не видят? «Положительный герой» — термин, который нынче вроде бы и неловко произносить. А между тем, даже если судить по телевизору (а я смотрел все теледебаты кандидатов в депутаты), то сколько же поразительно интересных людей, наших современников, умных, мыслящих, народных по сути своей, можно было увидеть только в эти дни! Были и другие, конечно. Ведь экран сразу же обнажает фальшивость души. Разве все это — не предмет для истинного, современного искусства, если оно хочет служить перестройке? Разве у нас были такие возможности?

МЕНЯ часто спрашивают: почему в «годы застоя» я, как и некоторые мои коллеги, не снимал картин на современную тему, а обращался к предвоенным и военным годам? Интересный вопрос: пожа-

БОЛЬ ОСТАЕТСЯ С ЛЮДЬМИ

луд, и критики над этим не задумывались. А дело в том, что снимать правду тогда нередко означало освещать лишь одну ее половину. Я же в своих фильмах избегал кривить душой. Потому и снимал «Цыгана», «Судьбу», «Любовь земную», «Особое важное задание»... Мои коллеги ставили фантастику, сказки, обращались к классике — лишь бы не лгать! Да, нашему поколению можно сочувствовать. А вот сегодня я хочу снять именно современный фильм. Время такое пришло.

То, что процессы перестройки, демократизации, гласности входят в душу народа, ощущается даже в ходе сегодняшних наших встреч со зрителями. Где бы я ни бывал, я чувствую совсем иную атмосферу зрительного зала, более творческую, активную, я бы сказал, пристрасно заинтересованную, порой даже горячую. Вопросы задаются острее, общественно и политически злободневные. Отвечая без увиливаний и без стремления оправдаться в том, в чем не чувствуешь себя виноватым.

Вот встаньте на мое место: как ответить на такие вопросы — почему я поставил фильм «Победа» с образом Сталина, который не трактуется там как «кровавый диктатор», человек, ответственный за репрессии в довоенные и послевоенные годы, а как фигура исторически значительная? Или — другой вопрос — почему я сыграл эпизодическую роль Брежнева в фильме Ю. Озерова «Солдаты свободы»?

Просто ли на это ответить сегодня? Хотя, конечно же, нынче уровень нашей информированности значительно повысился.

Тут важно подчеркнуть, что для нашего нынешнего понимания проблемы Сталина огромную роль играют партийные документы последних лет, выступления М. С. Горбачева. Собственно, именно партии, а не кому-то иному, как хотелось бы кое-кому, представить дело, принадлежит приоритет в принципиальном разоблачении культа личности Сталина, искусственно приоткрытом в последние десятилетия. Важно и напомнить слова Михаила Сергеевича Горбачева, которые созвучны моим раздумьям: «Когда мы говорим об особенностях социалистического плюрализма, то прежде всего имеем в виду ответственность в суждениях, что предполагает в первую очередь компетентность и достоверность фактов». И в связи с этим: «К сожалению, в наших средствах массовой информации наблюдается стремление распространять скороиспелые необоснованные выводы и суждения, а кое-кто стал делать ставку на сенсацию. И должен сказать откровенно, появилось много вранья». Это сказано руководителем нашей партии, как мне думается, справедливо и с огромной озабоченностью.

Ведь дело не только в Сталине и сталинщине, как мы теперь открыто говорим, но прежде всего в том, что ложь, какой бы правдоподобной она ни казалась, направлена прежде всего против идей социализма. И, как это ни звучит кощунственно, ныне находятся даже желающие кинуть тень на нашу Победу, обвинить весь народ и нашу партию чуть ли не в пособничестве (или в молчаливом соучастии) в кровавых репрессиях, преступлениях Сталина. Но если бы это было так, откуда бы взялось мужество партии сказать правду о культе личности, откуда взялись бы люди (и не единицы, не только «сверху», а миллионы и миллионы во всех слоях общества), которые приняли душой и сердцем идеи перестройки, нового мышления, возвращения к истокам подлинного ленинизма? Нет, ничто не могло заглушить в народе тягу к ленинским идеям. Революционные идеи Ленина всегда оставались в сознании народа.

Но вернусь к фильму «Победа». Он, естественно, создавался на основе одноименного романа А. Чаковского. Ясно — роман создавался на основе тщательного изучения доступных автору документов. И для меня наша Победа так же дорога, как и миллионы бывших солдат, вынесших все тяготы и жертвы войны. В романе взяты лишь один исторический момент — заключительные страницы войны, закрепленные соглашением руководителей великих держав в Потсдаме. Не думаю, что писатель поступил правдой, реконструируя по документам тот отрезок истории в жизни Сталина, когда он представлял в Потсдаме наш победивший народ. Всякое явление — и особенно столь сложное, противоречивое, каким был Сталин, — надо рассматривать и в

историческом контексте, и во всех связях, опосредованиях, которые так или иначе сказываются на нем.

Однако «Победа» — картина не биографическая. Она о том, как мы начинали борьбу за мир, сразу же — в первые послевоенные дни...

Помню, как переживали мы в нашей съемочной группе, когда сдавали фильм и его должны были смотреть «наверху». Ведь мы сказали и о жестокости, деспотичности Сталина. Как воспримут это?

И надо сказать, когда фильм уже вышел на экран, помню, как со слезами на глазах бросала мне обвинения за эту правду одна зрительница, овеянная военной славой и мною весьма уважаемая. И это был не один случай. Сегодня же те наши праведные и горькие слова в фильме кажутся просто-таки невинностью.

Не хотел бы, чтобы кто-нибудь воспринял мои слова так: вот, мол, Матвеев оправдывается. Да нет, ничего подобного. Я не отрекаюсь ни от одного своего фильма. И ничего не делал в угоду кому-либо, против своей совести.

На встречах зрители задают мне вопрос: ну а как быть с ролью Брежнева, которую я сыграл в фильме «Солдаты свободы»? Как, мол, это получилось?

Ну актер есть актер, иногда не он выбирает роль, а роль выбирает его в зависимости от того, какой характерный материал требуется и как ставится фильм. На мой взгляд, в «Свобождении» немецкий актер Фриц Дитц сыграл Гитлера предельно правдиво и, естественно, не так, как Чарли Чаплин в «Великом диктаторе».

Что же заставило меня согласиться на эту роль в фильме? Ничего, кроме профессионального понимания, что я точнее других могу изобразить его в той или иной обстановке, даже в дружеском кругу. Хотя, как мне передавали, когда Брежнев увидел, как в его обличье я появился на экране, он сказал: «Нет, это — не я, а Матвеев...». А через несколько секунд: «Но брови — мои!». Вот и все!

Впрочем, существует такая легенда, будто я был с Брежневым не только знаком, но числился чуть ли не в его фаворитах. Легенда настолько устойчивая, что находились такие люди, которые писали мне письма с просьбой помочь: ну чего, мол, вам это стоит, вы же «на короткой ноге» с Леонидом Ильичом!.. Если поиронизировать над собой, то можно сказать, что из того шекотливого положения я вышел «на бровях». А если серьезно, то пусть каждый представит себе ту пропасть, которая в реальности разделяла актера и руководителя государства. Что мог я знать о нем, кроме какой-то внешней характерности? Теперь — другое дело! Тогда же для многих людей Брежнев был «закрытой фигурой». Но ведь и Брежнева из нашей истории не выбросишь!.. И кому-то, может, придется его играть на экране?..

ВОТ ТЕПЕРЬ мучительно пытаюсь осмыслить все, что мною сделано. Конечно, у каждого из нас есть и удавшиеся, и неудавшиеся картины. Себя порой судишь гораздо более сурово, нежели критику, потому что знаешь свои недостатки лучше, чем кто-либо. Но, сегодня, пожалуй, больше думаю не о себе, а о том непростом процессе, который происходит в нашем кино. Бурные партийные собрания на «Мосфильме» позволяют представить себе, сколь неспокойно ныне в нашем кинеморе. И то, что даже на многих лучших, увенчанных на разных зарубежных киносмотрках наших фильмов нынче полупустые залы в кинотеатрах на Родине, тоже свидетельствует о многом. Нет, недаром кто-то сказал в шутку: «вызванная модель» фильма.

На днях зашел разговор со знаменитым французским актером Жаном-Полем Бельмондо, приехавшим в Москву в связи с ретроспективой своих фильмов. Ему сказали: «Если спросить кинокритиков, кто лучший актер мира, они не назовут ваше имя. А если спросить то же у зрителей, то каждый из них ответит: Жан-Поль Бельмондо. Вас этот факт огорчает?» «Нет», — ответил актер. — Мне важно, чтобы картины с моим участием шли в переполненных залах, а не в таких, где сидит тридцать человек...» Не правда ли, достойный ответ?

Для меня, признаться, также важно, чтобы мой фильм смотрели в переполненных залах сегодня, сейчас и здесь, а не там. Но, похоже, и кинокритиков не очень-то волнует, что у нас в кинопрокате тон стали задавать зарубежные «боевики», развле-

кательные ленты. При этом барабаны же по поводу наших достижений в кино, как и в доперестроечные годы, увя, предостаточно.

Непростые уроки перестройки подтверждают, что какой бы новой, изобретательно продуманной ни была модель нашего кино, более всего важно одно качество наших фильмов — чтобы они были народными. По духу, по содержанию. Чтобы не в режиссерских декларациях на трибуне, а на экране, в деле наши картины помогали бы процессам перестройки, нравственного очищения, духовного возвышения человека. Идет стремительная политизация общества, процесс сложный, не бесконфликтный, тут такие узлы завязываются, что не сразу разберешься, в чем истина.

Еще проявляет себя и наша старая способность «к шараханью» из крайности в крайность, к доведению до абсурда даже благих намерений и верных решений.

Это, кстати, сказывалось и на кинематографе. После XX и XXII съездов, в кампаниях по борьбе с культом личности и его последствиями были, например, прекращены съемки исторических фильмов (я помню это, по-

тому что снимался в них) «Иван Грозный», «Иван Крамской»... К чему такое «шараханье»? Непонятно. Перебор? Конечно. А ведь всем ясно, что исторические фильмы как воздух необходимы народу. Особенно сегодня. Но где они? Их нет. Это при нынешнем-то жгучем интересе к истории! Причем я говорю не только об истории русского народа, а всех народов. Сколько здесь тем, неповторимых сюжетов, ярких характеров, наконец, какое богатство национально-познавательного материала, столь необходимого для всех нас, для интернационального воспитания! Но ведь всякая историческая фигура — это же личность, пусть противоречивая, сложная, особенно, если ее не приглаживать и не лакировать. Вот и «шарахаемся» до сих пор!

Глядясь, уже необходимые нам как воздух демократизация, гласность превращаются в демагогию, вседозволенность, демократия — в анархию, здравая критика, конструктивная, умная, деловая — с одной стороны, в критическое лицедейство, бичение себя в грюдь, с другой — в охаивание, доходящее до безответственного вранья, перекрашивания фактов. Мы говорим о создании правового государства, а при этом не замечаем, как нарушаем, например, основу основ прав человека — презумпцию его невиновности! Вот и получается, что иногда человек ходит рядом с тобой как бы «без вины виноватый». Иногда ему не дают и работы, то есть того самого шанса, чтобы перепробовать себя в перестройке, о котором говорил М. С. Горбачев с самой высокой трибуны и с истинной озабоченностью за судьбу каждого человека...

Естественно, я не о себе речь веду. О коллегах. Кстати, о многих из них меня спрашивают зрители на встречах. К сожалению, часто я ничего не могу ответить... Знаю, что зрители ждут их фильмы, надеются на новые встречи с ними на экране...

Так над чем я работаю сейчас? Снимаю фильм «Чаша терпения». Сценарий написал совсем молодой писатель Сергей Марков. Что меня привлекло в изложенной им истории, так это образ главного героя, о котором можно сказать: «Люди, вот это советский человек! Так возьмите у него все доброе и хорошее...». Почему мне так важно это? Перестройка требует и рождает таких людей. Конечно, в жизни все круто замешено: рядом есть и мерзкие люди, и много всего отрицательного. Но и в самые трудные времена в России было сказано великим писателем: «Красота спасет мир!» И я все больше и больше убеждаюсь, что красота, прекрасное в жизни надо поддерживать всеми силами. В том числе и киноискусством! На том стоял я и стою сейчас... И знаю, что нравственное на экране может нести только высоко нравственный актер. Таких я и старался выбирать во всех моих фильмах. Нравятся они или не нравятся, думаю, об этом должны судить прежде всего зрители.

Ну а мы, художники? Что ж, мы всегда бываем пристрастны друг к другу. И социалистический плюрализм, о котором мы сегодня так много говорим, предполагает великое разнообразие творческих манер, стилей, режиссерских поэтик! Чем разнообразнее наше искусство — тем лучше для него. А если о том или ином художнике будут судить коллеги, пусть даже самые авторитетные? Тут неприятие неизбежно. Представьте себе такую фантастическую картину: великий Лев Николаевич Толстой оказался бы во главе аттестационной комиссии, допустим, по драматургии, и перед ним предстал бы Уильям Шекспир. Да. Он не прошел бы такой аттестации! Известно ведь, что Лев Николаевич камня на камне не оставил от великого трагика: перечитайте его... Слова божь, что Шекспир этого мнения не мог знать, а то ходил бы «без вины виноватым» — униженным. Впрочем, та статья Толстого не сделала менее великим Шекспира, как, собственно говоря, и самого Льва Николаевича. Они просто разные художники, их поэтики не совпадают. И хорошо!

К чему я говорю об этом? Только к тому, что высшую свою аттестацию все мы, кто работал и работает сегодня в искусстве, проходим только у народа. И долг наш в одном — верно служить ему. В этом и видится мне предназначение искусства. Особенно сегодня, когда все так непрост в нашей жизни и все требует обновления... А без консолидации всех наших сил, думаю, эту задачу решить невозможно!..